

УДК 94 (47)''1914/1918''

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ И АНТИПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ГОРОЖАН ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (1914 – НАЧАЛО 1918 ГГ.)

Семенова Е.Ю.¹

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия, e-mail: dashka129k@yandex.ru

В статье исследован процесс трансформации патриотизма как составляющей мировоззрения городского населения Поволжья в условиях Первой мировой войны. На основе анализа отчетной документации сотрудников губернских жандармских управлений, полиции, представителей административной власти, воспоминаний современников, материалов периодики военных лет выявлены особенности эволюции патриотического настроения горожан Поволжья в 1914 – начале 1918 гг. Автор приходит к выводу о том, что на протяжении всего периода войны городскому обществу был присущ государственный патриотизм, но происходил распад целостности общественного мировоззрения.

Ключевые слова: Первая мировая война, городское население, Поволжье, патриотизм.

PATRIOTIC AND ANTIPATRIOTIC SENTIMENTS OF TOWNSPEOPLE OF THE VOLGA REGION IN THE FIRST WORLD WAR (1914 – THE BEGINNING 1918)

Semenova E.Y.

The Samara State Technical University, Samara, Russia, e-mail: dashka129k@yandex.ru

In article process of transformation of patriotism, as a component of outlook of urban population of the Volga region in the conditions of the First World War is investigated. On the basis analysis of the accounting documentation of employees of provincial gendarme managements, polices, representatives of the administrative power, memoirs of contemporaries and materials of the periodical press of military years are revealed features of evolution of patriotic sentiments of townspeople of the Volga region in 1914 – the beginning 1918 years. Authoress draw a conclusion of that the state patriotism was inherent in a city society all period of war.

Keywords: the First World War, urban population, the Volga region, patriotism.

Первая мировая война оказала влияние на патриотизм – составляющую мировоззрения россиян. Исследуемый в статье материал позволяет выявить трансформацию у горожан Поволжья имперского и государственного патриотизма, проявляющихся в

¹ Семенова Екатерина Юрьевна – к.и.н., доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет».

признании наивысшей ценностью и любви в первом случае – к империи и правительству, во втором – к государству.

В условиях участия России в войне выражение патриотических настроений должно было связываться с поддержкой правительственной линии на ведение войны вплоть до успешного ее завершения. На практике такая поддержка не была перманентной для социума в целом. Факты и тенденции ее отсутствия констатируют не только высказывания обывателей, но и действия в форме индивидуальных и социальных практик.

Выводы исследователей о трансформации патриотизма россиян в годы Первой мировой войны расходятся. А.С. Ковалева полагает, что к осени 1917 г. патриотические настроения народа были «задушены» социальным фактором, эволюционировали в революционное оборончество, в пацифизм, в открытое пораженчество [15, с. 108]. Схожее мнение выдвигает Д.В. Алехин, заключая, что к рубежу 1916 – 1917 гг. горожанам были присущи апатия, рост оппозиционно-патриотических и революционно-патриотических настроений, стремление к миру, терпимость к «пораженчеству»; произошел разрыв в понимании патриотизма правящими и оппозиционными кругами [1, с. 233]. Е.Д. Борщукова спецификой российского патриотизма периода Первой мировой войны считает выражение представителями разных слоев общества верноподданнических чувств, проявившихся в лояльности к государственной политике, любви к своей стране, одним из главных символов которой был император и его семья. Она полагает, что к началу 1917 г. на смену патриотизму приходили скептицизм и неверие в правоту государственной политики, он превратился из присущего широким слоям общества в чувство, свойственное тем, кто извлекал из войны экономическую и политическую выгоду [2, с.13, 24].

Вывод, к которому приходят А.С. Ковалева и Д.В. Алехин, на наш взгляд, отчасти применим в отношении горожан Поволжья, но с учетом корректировки хронологии происходящих трансформаций и дополнения его в содержательной составляющей положением о том, что части населения был присущ идеал продолжения войны до полной победы, то есть государственный патриотизм.

За основу периодизации трансформации отношения россиян к войне, используемой рядом современных исследователей, принимается хронология, выдвинутая О.С. Поршневой, изучившей представления о войне рабочих, крестьян и солдат. По сути, она включает следующие этапы: 1) В начальный период война воспринималась как справедливая, оборонительная, среди населения наблюдался патриотический подъем; 2) Отступление русской армии весной – летом 1915 г. выявило просчеты, допущенные при подготовке к войне, что вызвало подрыв доверия к монархии, корректировку и детализацию образа войны.

После взятия Перемышля русскими войсками в марте 1915 г. отмечалась вторая волна патриотизма, но часть рабочих уже не принимали участия в патриотических манифестациях; 3) С осени 1915 г. важнейшими мотивами у рабочих были социальные, связанные с выживанием в сложившейся экономической ситуации, проявилась психологическая усталость от войны, развилось представление о том, что рабочие ничего не получают в этой войне; 4) С весны 1916 г. отмечался скептицизм в отношении лозунга о войне до победного конца и апатия среди слоев населения, патриотизм которых носил стихийный инстинктивный характер [19, с. 82-83, 85, 87-88, 90-91].

Е.П. Терешина выдвигает иную периодизацию трансформации представлений о войне: 1) Начальный этап войны, когда наряду со стихийным патриотизмом социальных низов формировался осознанный патриотизм образованных слоев населения, а общий патриотический подъем не был присущ лишь немногим противникам войны из революционной интеллигенции и части рабочих и крестьян, лишенных гражданского самосознания; 2) В июне 1915 г. – осенью 1916 г. взгляды общества по вопросам войны и мира эволюционировали; к осени 1916 г. определился поворот настроений в пользу мира среди рабочих, демократического студенчества; на рубеже 1916–1917 гг. произошел массовый стихийный поворот к справедливому миру в настроении социальных низов; набирал силу патриотизм революционного направления (за революционную смену власти во имя победы над врагом); 3) С осени 1917 г. поляризация общественных настроений по отношению к войне ширилась, вопрос о мире решался в связи с вопросом о власти [27, с. 42-43, 47-49, 78, 89, 91, 98, 122, 140-141].

Попытаемся определить этапы трансформации имперского и государственного патриотизма, присущего горожанам Поволжья, сущность происходящих изменений, формы выражения индивидами и группами общества своего отношения к участию России в войне и видение ими своей роли в данном процессе.

В качестве источниковой базы исследования были использованы отчеты сотрудников поволжских губернских жандармских управлений, полиции, административной власти, материалы периодики военных лет, воспоминания современников. Основными методами исследования стали историко-системный и историко-типологический методы, а также контент-анализ.

Исследованный материал позволяет выделить следующие особенности в трансформации патриотического настроения горожан Поволжья в период Первой мировой войны. Можно констатировать, что в период лета – осени 1914 г. население в массе поддерживало курс правительства на участие в войне, воспринимая его как направленный на

спасение Отечества, борьбу с «германизмом», выражало поддержку и императору, что соответствует критериям имперского и государственного патриотизма. Автор заметки «Патриотизм населения», опубликованной в ярославской газете в рубрике «Местная жизнь», так характеризовал данную тенденцию: «Патриотизм населения доходит до кульминационного пункта. Можно сказать, что война заставила всех мыслить одной мыслью. Разговоры только о войне и трудно найти такого человека, который не желал бы победы русскому оружию» [25].

Причем эти проявления наблюдались в массе, включали разнообразные формы социальной и индивидуальной патриотической поведенческой практики, характеризующие сопричастность обывателей к судьбе России. Привычными социальными практиками стали адреса с выражением верноподданнических чувств, поступавшие в МВД, Верховному Главнокомандующему. В них выражалась преданность монарху, готовность защищать Отечество, вплоть до жертвы жизни. Такие телеграммы отправлялись от представителей самых широких слоев городского общества, в том числе от лица всех жителей конкретного города [7, д. 9266, л. 26, 31, 38, 44, 45, 49, 51, 56, 87, 98, 123, 131, 139, 142, 160, 162, 164, 168, 190, 207]; от различных общественных структур [30, д. 28, л. 51]; от сообщества людей разных религиозных убеждений, проживающих в городах Поволжья – православных, лютеран, иудеев, старообрядцев [7, д. 9266, л. 63, 65, 67, 79, 84, 104, 110, 146, 158, 223; 30, д. 28, л. 16;]; от представителей разных этнических общностей, проживающих на территории городов Поволжья [7, д. 9266, л. 69, 166; 30, д. 28, л. 51].

Формой социальной практики, выражающей патриотический настрой, являлось участие горожан в молебнах, организованных в поддержку и по случаю побед российских войск, а также в стихийных патриотических манифестациях [7, д. 9388, л. 170; 22].

Свидетельством патриотизма являются случаи отправки на фронт волонтеров. Например, в начале 1915 г. самарский присяжный поверенный Н.Л. Яценко ходатайствовал перед Ставкой Верховного Главнокомандующего о разрешении сформировать добровольческую дружину по доставке раненых с передовых позиций в госпиталь [5]. Только по 3-й части г. Казани к 23 декабря 1915 г. список лиц, изъявивших желание вступить в инженерно-рабочие дружины для работы на фронте, насчитывал 21 фамилию, в том числе учащихся среднего химико-технического училища, казанской художественной школы, почтово-телеграфных чиновников [18]. 30 июля 1917 г. из Рыбинска уехали на фронт 15 женщин-волонтерок, в основном из рабочих и портних [23].

Проявлением патриотизма стали случаи побега на фронт подростков. В частности, в Ярославской губернии на фронт сбежал из Рыбинска в сентябре 1914 г. 12-летний Мартынов, из Мологи в октябре 1914 г. – 3 подростка [21, 24].

Но данные практики не исключали частные случаи антипатриотических настроений, как в критике имперства, так и государственности. Их проявления были эпизодичны, но отмечались в разных городах Поволжья. Например, в сентябре 1914 г. саратовский крестьянин П.Ф. Перепелкин, освобожденный от мобилизации по состоянию здоровья, на вопрос супруги о том, почему он не призван, заявил, что «служат только дураки, дураки командуют и царь дурак» [8]. В феврале 1915 г. в Камышине в помещении земской больницы нестроевой рядовой Управления камышинского уездного воинского начальника И.Б. Кран сказал, что, когда он отправится на войну, то постарается побить побольше русских, и на вопрос, как же он русский будет бить русских же, ответил: «Да, я русский и буду бить русских» [7, д. 9631, л. 44]. В сентябре 1916 г. мещанин И.Н. Проскуров в г. Чебоксары рассказывал о том, что «лучше бы Германия победила Россию», и жить станет лучше и дешевле [16, д. 1556, л. 1].

Таким образом, массовый настрой общества в начале войны был ярко патриотическим, выражался мировоззренчески – в признании необходимости ведения войны и поддержки правительства, самопожертвовании ради интересов России, во внешних проявлениях – в участии в манифестациях и молебнах, добровольном уходе на фронт, чтобы сражаться и помогать воинам. Но наблюдались и случаи отторжения от интересов государства, нежелания ему служить.

Выявляя вехи трансформации патриотизма городского населения Поволжья, автор данной работы пришла к заключению о том, что, по крайней мере, в отношении данной территории определять поворот настроения горожан в сторону заключения мира с осени 1915 г. или с осени – зимы 1916 г. не верно. По сути, уже к концу полугодового периода участия России в войне, зимой – весной 1915 г., население желало мира [17, д. 1022, л. 2–7; 31, д. 2047, л. 15-15 об.], хотя данное стремление весной 1915 г. сочеталось с уверенностью в победе России в текущей войне; в сознании масс существовало понимание мира и победы в войне как неразрывно связанных [9; 31, д. 2047, л. 17, 50].

Наличие у горожан стремления к миру уже к весне 1915 г. позволяет заключить, что проблема отношения к войне с данного времени состояла не в том, хотели люди ее продолжения или нет, а в том, были они готовы и чем именно поступиться для достижения мира, как относились к факторам, противодействующим ему, в чем видели данное противодействие. Характеризуя стремление обывателей к миру, можно заключить, что

наблюдались периоды его радикализации и спада, отметить, что в один и тот же период времени в разных городах Поволжья настроение населения отличалось до прямой противоположности [4; 7, д. 9801, л. 103], не было одинаковым у людей, проживающих в одном центре [7, д. 9585, л. 208–209 об.; 12, д. 1325, л. 6–9; д. 1386, л. 10-11; 14, д. 183, л. 17-28], в том числе среди одной социальной группы. Понимание населением возможности мира и завершения войны различалось в зависимости от социально-экономической ситуации, успехов на фронте, часто не совпадало у жителей разных центров и представителей разных социальных групп. Контекст понимания возможности мира включал: 1) его немедленное достижение, как реакция на затягивание войны, к чему обыватель не был готов [17, д. 1021, л. 56; 31, д. 2132, л. 107]; 2) допущение возможности ожидания мира в течение неопределенного периода в целях достижения одновременно с победой в войне; 3) мир при любых условиях, причем без четкого осознания, какими неблагоприятными они могут быть не столько для самого обывателя, сколько для государства в целом.

По второму контексту необходимо отметить следующее. Имперский патриотизм среди горожан Поволжья стал расшатываться с весны – лета 1915 г., что выражалось в проявлении неуважения к монарху и признании его виновником бед, с которыми столкнулось общество в условиях войны [7, д. 9780, л. 26-26 об.; 29; 31, д. 2095, л. 1-2], ожидании горожанами Поволжья с осени 1915 г. скорой революции [17, д. 1021, л. 32-48; д. 1108, л. 9–10], а к осени 1916 г. - весне 1917 г., по сути, он разрушился, не имел массового проявления. Государственный же патриотизм был составляющей мировоззрения разных социальных групп и в период 1917 г. Отчасти он сочетался с революционным оборончеством [32, с. 33], отчасти проявлялся в собственной сущности – признании интересов государства в достижении победы в той войне, в которой оно и его население участвуют, независимо от изменения состава правительства и политического строя [3; 7, д. 9584, л. 152 об.; д. 9801, л. 93-94; 11; 14, д. 183, л. 1–7; 26]. Сохранение государственного патриотизма прослеживается у горожан Поволжья до конца войны, то есть и в течение всего 1917 г., причем отмечается среди разных социальных групп [6, л. 1-2, 36; 10; 12, д. 1386, л. 10-11; 14, д. 183, л. 13–16; 20; 26; 28; 31, д. 2368-б, л. 569; 32, с. 89]. В контексте ожидания мира только одновременно с победой в войне, видения в сущности войны необходимости защиты Отечества и его территориальных и статусных интересов, житель города предстал в качестве патриота, сопричастного жизни государства, не важно, в каком формате – империи или республики – существующего.

В контексте желая мира в кратчайшие сроки, как реакции на затягивание войны, проявлялись неуверенность в победе российских войск [16, д. 1522, л.15–21; 31, д. 2047, л.74-

74 об.], боязнь как такового поражения России в войне [13; 17, д. 1108, л. 11-12], опасение за ухудшение благосостояния и потерю жизней [7, д. 9585, л. 208–209 об.; 12, д. 1386. л. 21–22]. Данные представления не являлись выражением «антипатриотических» настроений, отстраненности обывателя от интересов страны, а скорее могут быть расценены как обычные желания человека, столкнувшегося с реальностью, которую он представлял иначе. В конкретном случае – вместо быстрой победы и защиты славянства обыватель наблюдал противоположную картину. «Краски» и «темы» данной картины (события на фронте, уровень готовности к участию в войне, снабжение армии, обеспечение городов) повлияли на трансформацию и утрату имперского патриотизма.

В контексте желания мира при любых условиях, поскольку он обеспечивал конкретному обывателю некое «благополучие» [7, д. 9593, л. 59; 31, д. 2226а, л. 641], житель города являлся персоной, отстраненной от происходящих с его страной событий. В данном случае, уместно констатировать утрату не только имперского, но и государственного патриотизма. Указанная тенденция отмечалась не с весны и не с осени 1917 г., а прослеживается и в 1914 г., и в 1915 г., усиливается в процессе затягивания войны, но не является единственной к моменту ее окончания.

Сосуществование в городской среде разноплановых проявлений патриотизма – одной из важнейших основ сплочения общества, трансформация его составляющих позволяют делать заключение о распаде мировоззрения городского социума, отсутствии его целостности.

Список литературы

1. Алехин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 – февраль 1917 гг.): Дис... канд. ист. наук. 07.00.02/ Д.В. Алехин. – Тамбов, 2003. – 267 с.
2. Борщукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны: Автореф. канд. ист. наук. 07.00.02 / Е.Д. Борщукова. – СПб., 2002. – 24 с.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 1318. Л. 6.
4. Там же. Ф. 286. Оп. 2. Д. 459. Л. 190.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 116. Л. 7.
6. Там же. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 164.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1.
8. Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 382. Л. 201-202 об.
9. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 492. Л. 102-104 об.

10. Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 312. Л. 3.
11. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.76. Оп.7. Д.1495. Л.1–13.
12. Там же. Ф. 855. Оп. 1.
13. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 7. Д. 1315. Л. 1.
14. Там же. Ф. 906. Оп. 1.
15. Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны / А.С. Ковалева // Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции / Под ред. В.И. Старцева, С.Н. Полторака, Л.Б. Борисковской, Т.В. Партаненко. – СПб.: Нестор, 1999. – С. 101-108.
16. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 5.
17. Там же. Ф. 199. Оп. 1.
18. Там же. Ф. 482. Оп. 2. Д. 20. Л. 146.
19. Поршнева О.С. Эволюция образа войны в сознании массовых слоев российского общества в 1914 – начале 1917 гг. / О.С. Поршнева // Военно – историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения/ Главн. ред. и сост. Е.С. Сеньявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 82-98.
20. Ростовский вестник. 1917 г. 9 апреля. С. 1.
21. Рыбинский листок. 1914. 12 октября. С. 1.
22. Рыбинский листок. 1915. 10 марта. С. 3.
23. Рыбинский листок. 1917. 1 августа. С. 3.
24. Рыбинский листок. Вечерние телеграммы. 1914. 29 сентября. С. 1.
25. Северная газета. 1914. 3 августа. С. 3.
26. Сурский листок. 1917. 21 июля. С. 1.
27. Терешина Е.П. Отношение населения Поволжья к первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.) / Е.П. Терешина. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. – 191 с.
28. Царицынский вестник. 1917. 5 мая. С. 3.
29. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4352. Л. 1-2.
30. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 61.
31. Там же. Ф. 468. Оп. 1.
32. 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов (февраль 1917 – декабрь 1918 гг.) / Под ред. В.А. Осипова и Г.И. Сухарева. – Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1957.

Рецензенты:

Репинецкий А.И., д.и.н., профессор, зав. кафедрой Отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара.

Аншаков Ю.П., д.и.н., профессор, директор Учреждения Российской академии наук Поволжского филиала Института Российской истории РАН (ПФ ИРИ РАН), г. Самара.

Работа получена 02.11.2011